

*Над темой номера
работал*

Сергей ЗАХАРОВ¹

Одинокое материнство в России

Одинокое материнство - всплеск интереса

Внимание российского общества и политиков к феномену одинокое материнства меняется волнообразно. Периоды обостренного отношения к «матерям-одиночкам», характерные, в частности, для 1940-х – 1950-х годов (реакция на массовое сиротство и рост внебрачного материнства) и для 1970-х годов (реакция на быстрый рост разводов), сменялись периодами забвения, что, в свою очередь, оттесняло изучение происходящих процессов на периферию исследовательских интересов. В настоящий момент мы переживаем очередной всплеск интереса, инициированный усилиями государства по проведению активной демографической политики, центральными элементами которой стали финансовые и пропагандистские меры по повышению рождаемости. Как и в прошлом, обсуждение причин низкой рождаемости и возможностей ее повышения не обошлось без напоминания о «кризисе семейных ценностей», индикатором которого служит низкая стабильность брака, и констатации очевидного факта, что значительная часть детей появляется на свет и воспитывается в условиях, не вписывающихся в традиционные представления о «нормальной семье».

Риторика официальных документов и выступлений представителей государственной власти все чаще смещается в сторону предложений о принятии неотложных решений по снижению числа разводов и изменению бракоразводного законодательства в стране² с целью «укрепления» российской семьи и устранения «перекосов» в выполнении ею социализирующей функции, вызванных массовым распространением неполных семей.

В то же время отечественное информационное пространство для дискуссий на данную тему слабо структурировано в смысле категориальной определенности, крайне ограничено в смысле научных знаний, и, зачастую, замусорено домыслами и непроверенными сведениями статистического плана. Так, к примеру, широкое распространение в интернете получили фантастические оценки численности матерей-одиночек в России (10 млн.)³, необоснованные сведения о росте числа неполных семей в постсоветский период⁴. Однако главный пробел в информационном поле российского дискурса заключается в полном отсутствии представлений об одинокое материнстве и неполных семьях как о динамическом состоянии для матерей и их детей. Очень слабо изучены механизмы формирования неполных семей с учетом структурных изменений, которые произошли в последние десятилетия.

"Мать-одиночка" или одинокая женщина с детьми?

Согласно российским законам, одинокой матерью («матерью-одиночкой») признается только мать, получившая в органах ЗАГС специальную справку (форма №25), подтверждающую статус матери-одиночки. Такая справка может быть выдана в случае, если при регистрации новорожденного не было предъявлено свидетельство о браке между родителями или отсутствует совместное заявление родителей о добровольном признании отцовства или не имеется решение суда об установлении отцовства. Кроме того, юридическим статусом одинокой матери наделяется женщина, которая усыновила (удочерила) ребенка, и не состояла в браке на этот момент.

Итак, не важно, есть ли у ребенка фактический отец (биологический или отчим), проживает ли он совместно с матерью ребенка или нет, заботится ли он о ребенке или нет. Для получения статуса матери-одиночки в России важно, чтобы сведения об отце отсутствовали в исходном документе о *статусе ребенка* – актовой записи о его рождении с учетом всех изменений, внесенных позднее в эту запись (например, в соответствии с решениями суда об установлении отцовства или усыновлении). Если у ребенка имеется официальный отец («бумажный папа»), то его мать не будет признана одинокой даже в случае, если мать и ребенок не поддерживают с ним никаких отношений. Считается, что у женщины имеется неотъемлемое право привлечь отца к участию в жизни ребенка в той или иной форме, хотя бы взыскивая с него алименты по решению суда.

В соответствии с действующим российским законодательством женщина не теряет статус матери-одиночки, если она выйдет замуж. Она перестанет быть «одинокой матерью» только в случае усыновления (удочерения) ребенка (детей) новым супругом.

Таблица 1. Категории женщин, в одиночку воспитывающих детей, юридически признаваемых и не признаваемых в качестве матерей-одиночек (одиноких матерей)

Наделяются статусом «одинокая мать»	Не признаются одинокими матерями
Женщина, родившая ребенка (детей) вне брака, и при условии, что отцовство ребенка не установлено (при регистрации ребенка в органе ЗАГС не предъявлено совместное заявление родителей или нет решение суда об установлении отцовства)	Женщина, воспитывающая ребенка (детей) в неполной семье в результате расторжения брака или овдовения
Женщина, родившая ребенка в браке или в течение 300 дней после расторжения брака, если отцом ребенка записан супруг (бывший супруг), но отцовство было успешно оспорено в суде	Женщина, родившая ребенка в течение 300 дней после расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга. В этом случае отцом ребенка признается бывший супруг, даже если он не является биологическим отцом ребенка.
Женщина, не находясь в браке, усыновила (удочерила) ребенка	Женщина, не состоявшая в браке и воспитывающая ребенка, отцовство которого было установлено (добровольно или в судебном порядке)
	Женщина, воспитывающая ребенка, отец которого был лишен родительских прав

Социально-демографическое положение одиноких матерей, определяемых на основе выше приведенных формальных критериев, априори будет весьма разнообразным, поскольку реальное семейное положение женщин и фактические условия воспитания ее детей, строго говоря, не принимаются в расчет. Более того, можно сказать, что юридический статус матери-одиночки присваивается матери на основе самоопределения самой женщины при двух ограничивающих

условиях: а) со своим решением женщина должна определиться в течение одного месяца после рождения ребенка (срок, установленный законом для обязательной регистрации ребенка в органах ЗАГС) б) отец ребенка не предъявляет свои права на отцовство в той или иной форме. После регистрации ребенка с установленным отцовством получить статус матери-одиночки будет невозможно.

Следует заметить, что не только сама женщина за редким исключением осведомлена, кто отец ее ребенка, но, как показывает специальное изучение этого вопроса на надежной базе российского исследования «Родители и дети мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)⁵, и мужчины, вопреки распространенному мнению, в подавляющем большинстве случаев также осведомлены обо всех своих рожденных детях⁶. Следовательно, выбор в пользу статуса матери-одиночки не только результат волеизъявления женщины-матери, но и шаг, предполагающий предварительное согласование интересов обоих родителей между собой. Мотивационная основа для принятия родителями такого решения достаточно сложная и не является предметом рассмотрения в данной статье⁷. Например, распространенной ситуацией бывает рождение ребенка от мужчины, состоящего в другом браке. Официальное признание отцовства в этом случае может привести к нежелательному оглашению факта адюльтера и разрушению его семьи, и в этом могут быть не заинтересованы один или оба родителя внебрачного ребенка. В то же время, и чисто прагматичный, меркантильный интерес обретения юридического статуса матери-одиночки также имеет место. Обладательница справки по форме №25 («одинокая мать») может счастливо проживать в брачно-партнерском союзе (в том числе и с биологическим отцом ребенка!), а ее ребенок, соответственно, не имея «отца на бумаге», может воспитываться в благополучной полной семье. Тем не менее, такая семья может претендовать на дополнительные социальные пособия и льготы, положенные матерям-одиночкам. Чем сильнее социальная поддержка одиноких матерей мерами государственной политики, тем большую склонность проявляют женщины к обретению данного статуса. В этом убеждает и опыт зарубежных стран, расширявших материальную помощь одиноким матерям в 1970-х – 1980-х годах⁸, и даже современный российский опыт экспериментирования в области семейной политики на региональном уровне. В качестве примера приведем коллизию, развернувшуюся в последние годы в одной из российских областей.

С 1 января 2011 года Законодательное собрание Калужской области установило щедрую поддержку одиноким матерям – ежемесячное пособие в размере 5000 руб. Вот как комментировала в апреле 2012 года последствия данного решения Министр по делам семьи, демографической и социальной политике Калужской области С. Медникова: «В прошлом году количество детей одиноких матерей увеличилось на 40% (на 3 тыс. 113 человек). Из них около 230 человек прибыли из других субъектов Федерации и зарегистрировались на территории Калужской области. При этом в целом улучшение демографической ситуации в области не наблюдается». По ее словам, в регионе наблюдается устойчивая тенденция к сокращению зарегистрированных актов об установлении отцовства. Этот показатель сократился с 1679 в 2010 году до 1142 в 2011 году. При этом численность одиноких матерей выросла на 8%⁹. «Надо признавать свои ошибки, – подвел итог эксперимента председатель заксобрании области В. Бабурин - в этом случае мы ошиблись. Подход был правильным, но сам закон оказался антисоциальным. Мы стимулируем антисоциальные явления. К нам едут, регистрируются, получают пособия и уезжают. Но самое плохое, что перестали регистрироваться семьи». Примерно в том же духе высказался и губернатор области А. Артамонов¹⁰. После некоторой дискуссии было принято решение сохранить выплаты на прежнем уровне тем, кому это пособие уже назначили, а новым «матерям-одиночкам» установить пособие в размере 400 руб. и тем самым снизить мотивацию обретения данного статуса.

Впрочем, в России на федеральном уровне материальная поддержка матерям-одиночкам как специфической категории реципиентов (т.е. помимо общих программ поддержки материнства и борьбы с бедностью) в настоящий момент практически отсутствует. По сути, она сводится к двойному, но очень скромному, стандартному налоговому вычету (в размере 2800 рублей) на каждого ребенка до 18 лет (учащегося очной формы обучения до 24 лет), а также к некоторым

льготам, закрепленным в трудовом законодательстве (дополнительный неоплачиваемый отпуск, более жесткие условия для работодателя при увольнении, более гибкий режим труда и некоторые др.). Инициатива и, соответственно, ответственность за принимаемые решения в сфере дополнительной социальной поддержки одиноких матерей сейчас переданы регионам, но и на этом уровне она крайне незначительна¹¹. Так, к примеру, богатая Москва предлагает одиноким родителям на детей в возрасте до 16 лет (учащимся до 18 лет) компенсационную выплату в связи с ростом стоимости жизни ежемесячно в размере 750 руб. Правда, эта сумма выплачивается только в случае, если среднедушевой доход в семье ниже московской величины прожиточного минимума, а если он выше, то выплачивается только 300 руб. Одинокая мать-москвичка может также надеется на ежемесячную компенсационную выплату на возмещение роста стоимости продуктов питания на детей в возрасте до 3-х лет в размере 675 руб. В Москве дети одиноких матерей имеют права на преимущественный (но не на внеочередной и первоочередной) прием в детские дошкольные учреждения. Никакими дополнительными льготами в решении жилищных проблем, а с 2013 года и при оплате детских дошкольных учреждений матери-одиночки в Москве не обладают.

Потому, если и имеется массовая заинтересованность в том, чтобы не декларировать признаваемое отцовство, то ее причины, в том числе и материального свойства, следует искать не столько в стимулирующих началах проводимой государственной политики, сколько в особенностях и тенденциях развития межличностных отношений между мужчинами и женщинами до наступления беременности, во время беременности и сразу же после рождения ребенка.

Дети " без отца "

Поскольку статистическое наблюдение за феноменом одинокого материнства на федеральном уровне не ведется (отсутствует статистический учет и, соответственно, разработка выдаваемых ЗАГСами справок по форме №25), то мы достоверно не знаем, сколько в России официально признанных «матерей-одиночек», и как меняется год от года их число. Мы можем лишь грубо, демографическими методами оценить потенциальное число таких матерей, опираясь на данные ежегодной регистрации новорожденных в ЗАГСах, разрабатываемых статистическими органами по трем основным типам предъявленного документа, определяющего отцовство (рис. 1-3): а) свидетельство о браке; б) совместное заявление отца и матери (рис. 2) или решение суда об установлении отцовства; в) интересующее нас заявление одинокой матери (рис. 2, 3)¹².

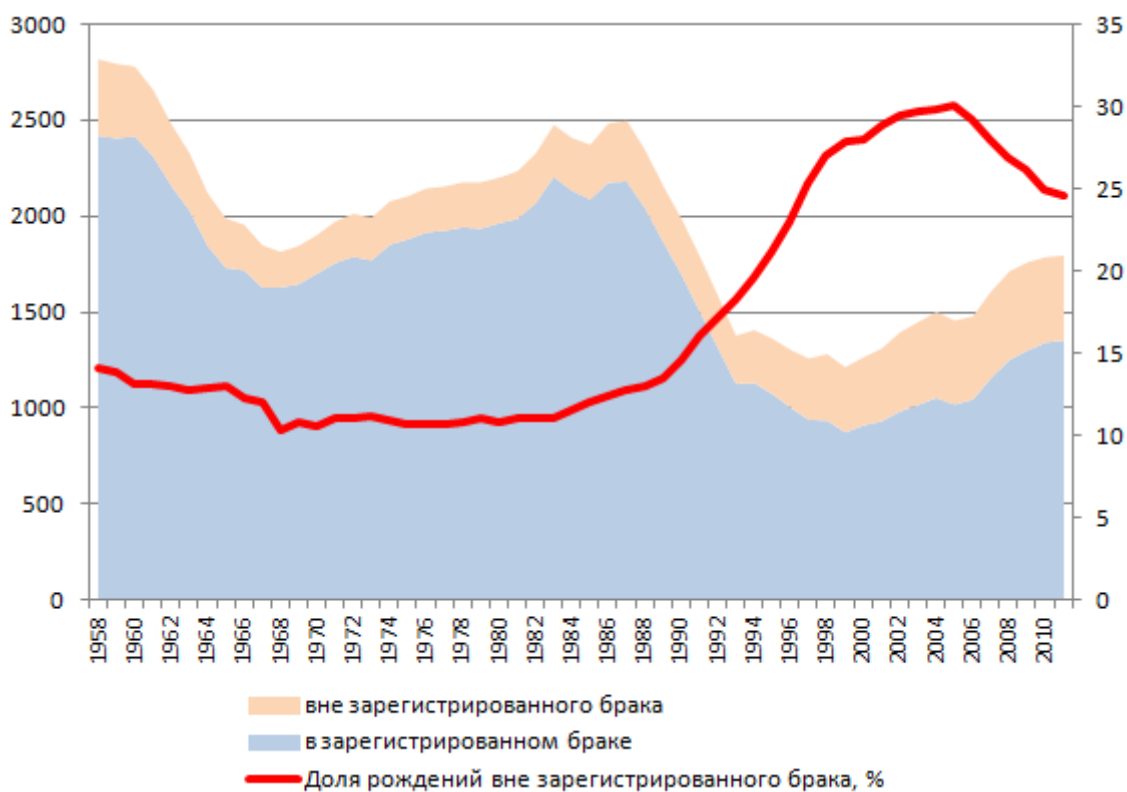

Рисунок 1. Родившиеся в браке и вне брака, тыс. (левая ось) и доля родившихся вне зарегистрированного брака, % (правая ось), Россия, 1958-2011

Примечание: в 1993-2003 гг. - без данных по Чеченской республике.

Источник: Демографический ежегодник России 2010. М.: Росстат, 2010; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

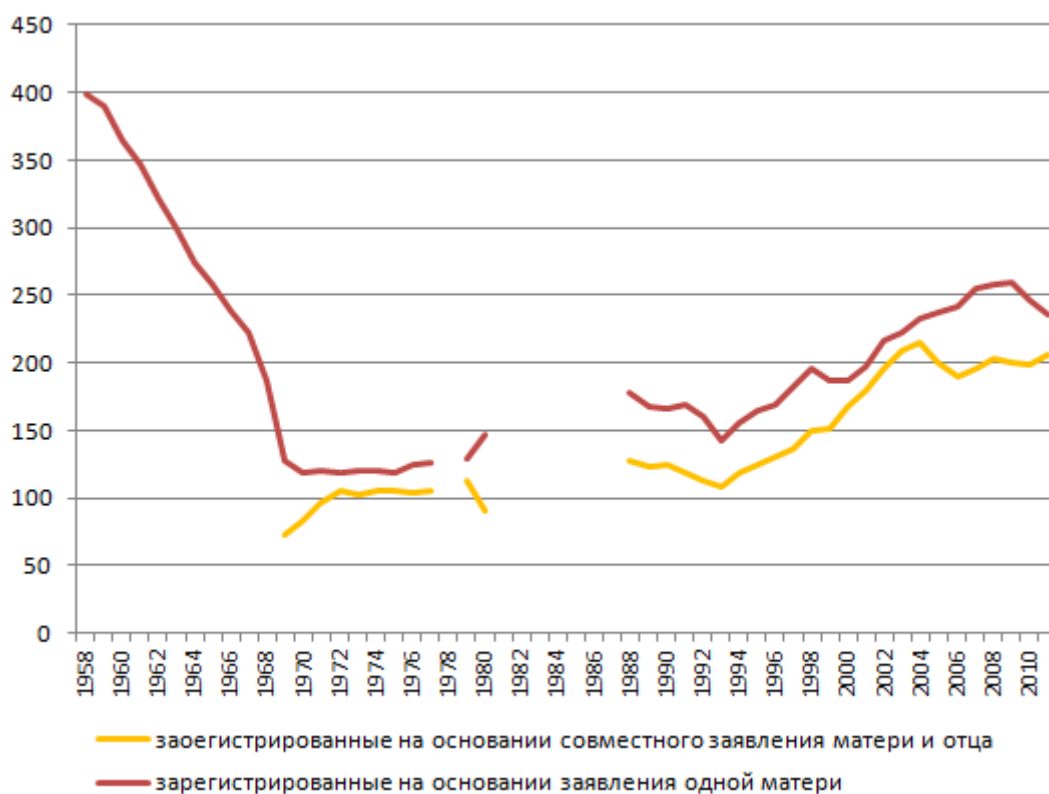

Рисунок 2. Внебрачные рождения, по видам регистрации, Россия, тыс.

Примечания:

В 1958-1968 гг. регистрация новорожденного на основе совместного заявления матери и отца не предусматривалась законодательством.

В 1978 и 1981-1987 гг. централизованная статистическая разработка данных в указанных разрезах не проводилась.

В 1993-2003 гг. - без данных по Чеченской республике.

Источник: Демографический ежегодник России 2010. М.: Росстат, 2010; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

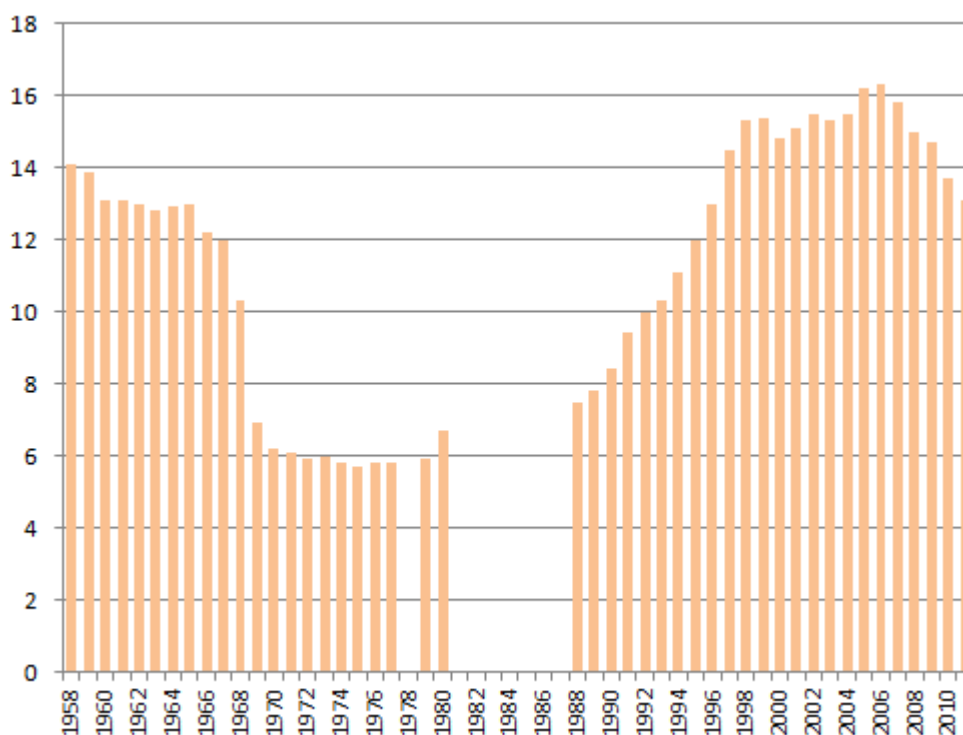

Рисунок 3. Доля зарегистрированных по заявлению одной матери в общем числе родившихся в браке и вне брака, Россия, 1958-2011, %

Примечания:

В 1978 и 1981-1987 гг. централизованная статистическая разработка данных в указанных разрезах не проводилась.

В 1993-2003 гг. - без данных по Чеченской республике.

Источник: Демографический ежегодник России 2010. М.: Росстат, 2010; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

На рис. 4 приводится наша оценка ежегодного изменения суммарной численности детей до 18 лет, зарегистрированных при их рождении на основании заявления одинокой матери, а также изменения доли данной категории детей в общем числе детей до 18 лет. Ввиду отсутствия необходимой информации, в наших расчетах мы проигнорировали влияние ряда факторов. Мы вынуждены были принять, что: вероятность обрести юридического отца для ребенка, зарегистрированного на основании заявления одинокой матери, равна нулю; отсутствуют различия в смертности детей с установленным и неустановленным отцовством; внешняя миграция не оказывает влияние на изменение доли данной категории детей в общем числе детей. В рамках принятых допущений, наши оценки, скорее всего, будут ближе к максимальной величине потенциального числа данной категории детей.

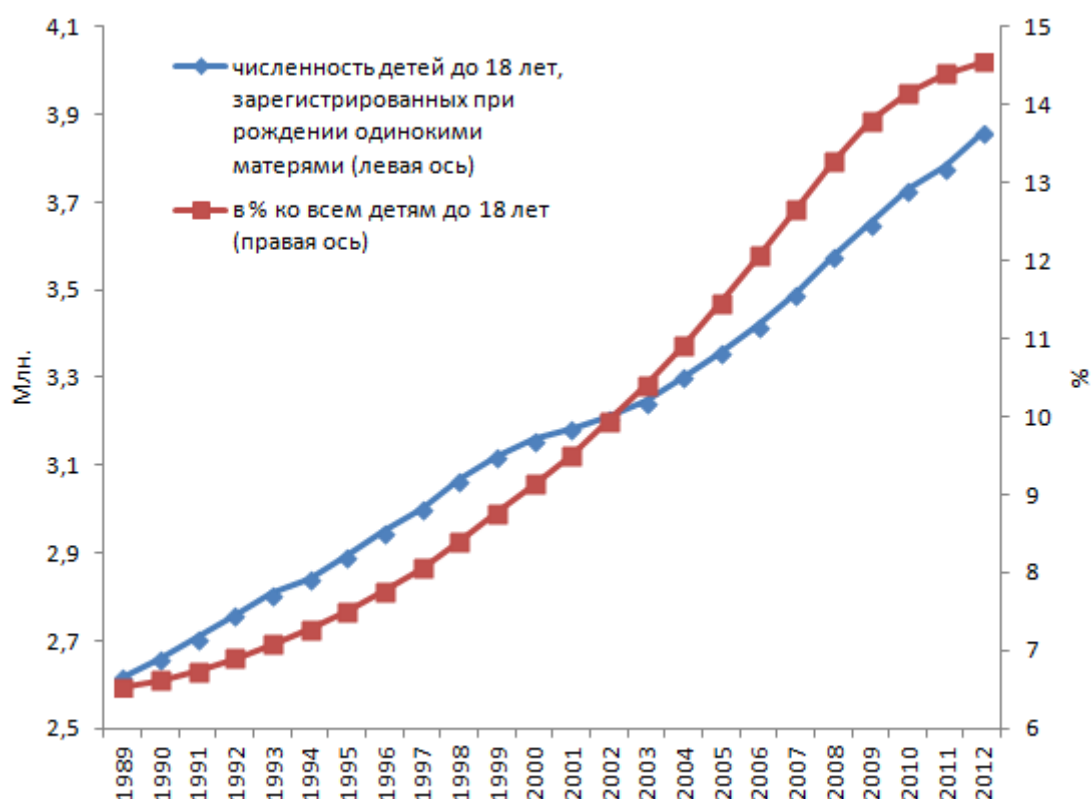

Рисунок 4. Оценка ежегодной численности детей в возрасте до 18 лет, зарегистрированных при их рождении на основании заявления одинокой матери, а также их доля в общем числе детей до 18 лет, Россия, 1989-2012 (на начало года)

Источник: Демографический ежегодник России 2010. М.: Росстат, 2010; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

Итак, за последние двадцать с небольшим лет Россия пережила бурный рост абсолютного и относительного числа детей до 18 лет с юридическим статусом «без отца»: с 2,6 млн. в 1989 году до 3,9 млн. в 2012 году и, соответственно, с 6,5% до 14,5% от общего числа детей до 18 лет.

Сколько в России одиноких матерей

Для того чтобы от числа детей перейти к оценке числа матерей, их воспитывающих (матерей-одиночек), требуется учесть повторность рождения детей с данным статусом. Поскольку официальная статистика не позволяет рассчитать искомый коэффициент детности матерей-одиночек, обратимся к выборочным обследованиям. Уже упоминавшееся масштабное российское исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» позволяет оценить среднее число рождений у женщин, декларировавших, что они никогда не состояли в зарегистрированном браке, а также у женщин, сообщивших, что они никогда не состояли в союзах с совместным проживанием партнеров. Именно среди данных категорий женщин следует искать матерей, регистрирующих своих детей без установленного отцовства. Оказывается, что среднее число рожденных детей у этих *матерей* (т.е. женщин, родивших, как минимум, одного ребенка) существенно превышает единицу: для тех, кто никогда не состоял в браке (включая тех, кто имел опыт совместного проживания с партнерами) в расчете на одну женщину приходится 1,3 рождений, а для тех, кто никогда не проживал с партнером, еще выше – 1,6 рождений. Можно

предположить, что требуемый для наших расчетов коэффициент детности матерей-одиночек, регистрирующих всех своих детей без установления отцовства, находится в этих пределах.

Принимая коэффициенты детности постоянными для всего периода после 1989 года (мы не можем учесть их возможную динамику в виду отсутствия данных, но едва ли ее учет серьезно повлиял бы на наши результаты), получаем, что число матерей, воспитывавших детей до 18 лет и претендовавших на юридический статус одинокой матери, в 1989 году будет находиться в интервале от 1,6 до 2 млн., в 2002 году – 2,0-2,5 млн., в 2010 году – 2,5-3,0 млн. Мы приводим оценки на даты всеобщих переписей населения, поскольку их можно сопоставить с переписными и единственно возможными в России оценками общей численности матерей всех брачно-партнерских состояний, воспитывающих детей до 18 лет. Имеющиеся результаты переписей населения 2002 и 2010 годов лучше, чем данные переписи 1989 года, подходят для оценивания общей численности матерей с детьми до 18 лет в России, поскольку для двух последних переписей была проведена специальная разработка данных по «семейным ячейкам», позволяющая выделить из множества типов домохозяйств супружеские пары с детьми и матерей (без супруга) с детьми, не учитывая прочих совместно проживающих членов домохозяйств¹³. Так, в 2002 году всего состоящих и не состоящих в браке матерей с детьми насчитывалось 20,3 млн., в 2010 году – 16,6 млн. Более грубая оценка для 1989 года будет 23 млн. В результате получаем, что в общей численности матерей женщины, претендующие на официальный статус «матери-одиночки», составляли 7-8% в 1989 году, 10-12% в 2002 году и 15-18% в 2010 году, т.е. налицо, как минимум, двукратный рост относительного показателя за два десятилетия.

Напомним, что реальное семейное положение таких матерей может быть различным: она может состоять в супружеских отношениях с мужчиной или нет, с мужчиной, при его наличии, брак может быть зарегистрирован или нет, этот мужчина может быть отцом ее ребенка (детей) или нет. Единственным характеристическим признаком для данной категории матерей остается обладание справкой по форме №25, выдаваемой в ЗАГСе, которая свидетельствует, что, как минимум, один ее ребенок был зарегистрирован при рождении на основании «заявления одинокой матери».

В то же время, очевидно, что численностью «статусных» матерей-одиночек (одиноких матерей с момента рождения их детей) не ограничивается распространенность феномена одиноких женщин, воспитывающих детей. Не менее распространенное явление в современном мире – образование неполных семей в результате прекращения брачных отношений по причине развода («расхождения» партнеров), а, иногда, и раннего овдовения, что в российских реалиях не такая уж редкость¹⁴. Поскольку не все женщины с детьми сразу же после прекращения одного союза вступают в новые брачно-партнерские союзы (а какая-то часть из них никогда не вступает в повторные союзы¹⁵), то мы сталкиваемся с неизбежностью существования некоторого числа «осколочных» семей, в которых, дети, по крайней мере, какое-то время проживают с одинокой женщиной (проживание детей после развода с одиноким отцом, по-прежнему не имеет статистически значимого распространения).

Регулярными официальными статистическими данными о численности женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей без мужей/партнеров (отцов/отчимов), Россия не располагает. Лишь благодаря вышеупомянутой специальной разработке данных переписей населения 2002 и 2010 годов в разрезе семейных ячеек, мы смогли получить интересующие нас сведения (табл. 2).

Таблица 2. Число женщин, не декларировавших совместное проживание с мужем (официальным или неофициальным), и воспитывающих детей в возрасте до 18 лет, доля таких неполных семей в общем числе семейных ячеек, а также доля детей до 18 лет, воспитывающихся одинокими женщинами, в общем числе детей до 18 лет, проживающих в семьях, Россия, по данным переписей населения 2002 и 2010 годов

	Число одиноких женщин*, имеющих детей до 18 лет, млн. чел.	Доля неполных семей одиноких женщин* с детьми до 18 лет, %		Доля детей, воспитываемых одинокой женщиной-матерью* в общем числе детей до 18 лет, живущих в семьях, %
		В общем числе семейных ячеек**	В общем числе семейных ячеек** с детьми до 18 лет	
2002				
Все население	5,6	22,9	26,8	24,0
2010				
Все население	5,0	24,1	21,1	25,5
Городское население	3,8	25,0	22,1	26,9
Сельское население	1,2	21,3	18,9	22,5

* Включая одиноких женщин с детьми до 18 лет, проживающих в сложных частных домохозяйствах (с одним или обоими родителями, с прочими родственниками), а также женщин, проживающих в коллективных домохозяйствах (учреждениях пенитенциарной системы и др.)

** Семейные ячейки включают в себя супружеские пары без детей, супружеские пары с детьми, матерей с детьми и отцов с детьми.

Источник: Расчеты автора на основе данных, опубликованных в: *Семья в России. Статистический сборник.* М.: Росстат, 2008; *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* Т.6 «Число и состав домохозяйств» М.: Федеральная служба государственной статистики, а также неопубликованных данных Росстата, 2012.

В 2010 году одиноких женщин с детьми до 18 лет насчитывалось 5 млн. Неполные семьи с одинокими женщинами во главе составляли 24,1% от общего числа семейных ячеек (включающих супружеские пары с детьми и без детей, одиноких матерей, одиноких отцов) и 26,8% от числа тех же семейных ячеек, но с детьми до 18 лет. В таких семьях воспитывалось 6,2 млн. детей до 18 лет, что составляет 25,5% от общего числа детей в возрасте до 18 лет, зарегистрированных переписью как проживающих в семьях. Относительная распространенность одиноких женщин с детьми выше в городской местности, по сравнению с сельской, что согласуется с более высокой разводимостью в городах, но, с другой стороны, расходится с известным фактом более широкого распространения раннего овдовения сельских женщин, а также с тем, что в сельской местности, по сравнению с городской, доля новорожденных, зарегистрированных по заявлению матери, в послевоенный период была стабильно выше на несколько процентных пунктов. Можно предположить, что именно прекращение брачно-партнерских отношений вследствие развода в настоящее время является ведущим фактором изменения относительных характеристик распространенности одиноких женщин с детьми.

За восемь лет между последними переписями населения произошли некоторые сдвиги в характеристиках распространенности одиноких женщин с детьми, которые непросто интерпретировать. Так, с одной стороны, сократилось абсолютное число одиноких женщин, имеющих детей моложе 18 лет (на 0,6 млн. или на 11%), а также их доля в общем числе семейных ячеек с детьми до 18 лет (с 26,8% до 21,1%). С другой стороны, доля таких неполных семей увеличилась в общем числе всех типов семейных ячеек (полных и неполных, с детьми или без детей любого возраста) с 22,9% до 24,1%, а также подросла доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых женщиной, не имеющей брачного партнера, с 24,0% до 25,5% (табл. 2). При этом среднее число детей до 18 лет, воспитываемых одинокой женщиной, едва заметно, но снизилось с 1,25 в 2002 году до 1,24 в 2010 году на фоне увеличения среднего числа детей того же возраста, приходящегося на одну женщину, воспитывающей детей в полной семье, с 1,46 в 2002 до 1,49 в 2010 году.

О чем же могут свидетельствовать подобные разнонаправленные изменения? Лишь о том, что за рассматриваемый период главные изменения происходили не с вероятностью появления неполных семей или со средним числом детей в этих семьях. Сдвиги в количественных характеристиках распространенности неполных семей были производными от структурных изменений более общего порядка. Во-первых, изменения возрастной структуры населения России характеризовались абсолютным и относительным сокращением юных женщин до 20 лет с высоким риском рождения детей «без отца», что, вкупе со снижением рождаемости (и частоты незапланированных беременностей) у юных матерей, по-видимому, и обусловило сокращение абсолютного числа одиноких женщин с детьми до 18 лет. Во-вторых, сокращалось общее число семейных ячеек при одновременном росте среди них числа супружеских пар без детей. В результате в общем числе семейных ячеек доля семей одиноких женщин с детьми до 18 лет повысилась.

Одинокие матери - отдельно или с родственниками

Статистическая оценка распространенности феномена «одинокой женщины с детьми» была бы неполной, если бы мы не вспомнили об еще одной категории одиноких матерей, выделяемой отечественными переписями населения, начиная с переписи 1970 года¹⁶. Речь идет о нуклеарных семьях/домохозяйствах, состоящих только из матери и детей. Выше речь шла о незамужних матерях, которые проживают со своими детьми как отдельно, так и в составе более сложных домохозяйств, включающих в себя одного или обоих родителей матери, а также, возможно, и прочих родственников и неродственников. Известно, что в российской ситуации половина незамужних матерей с детьми проживает в составе сложных домохозяйств, получая всемерную поддержку от ближайших родственников. Более того, в отечественной литературе уже отмечался факт, что в постсоветский период длительная тенденция к нуклеаризации семей остановилась, и появились признаки «денуклеаризации» российских семей¹⁷, в том числе и неполных, материнских. Данные переписи населения 2010 года подтверждают этот факт. Согласно переписи 2002 года, доля одиноких женщин с детьми всех возрастов, проживавших в составе сложных домохозяйств, составляла 40,9%, а по данным переписи 2010 года – 43% (соответственно, проживали отдельной семьей 59,1% и 57,0%). Еще больше увеличилось за тот же период присутствие в сложных домохозяйствах незамужних женщин с детьми до 18 лет - с 51,9% до 58,1% от числа всех одиноких матерей с несовершеннолетними детьми.

Характеристики распространенности нуклеарных материнских семей (домохозяйств), в том числе с детьми до 18 лет, в динамике с 1979 года представлены в табл. 3. Следует, правда, заметить, что в отношении семейно-домохозяйственной структуры населения две советские переписи не вполне сопоставимы с двумя постсоветскими российскими переписями в связи с переходом в 1990-е годы на международную практику разработки данных о социально-экономических и демографических характеристиках населения в разрезе домохозяйств, а не семей¹⁸.

Таблица 3. Некоторые характеристики распространенности нуклеарных семей (домохозяйств*), состоящих из женщин с детьми (материнских семей) в России по данным переписей населения 1979, 1989, 2002 и 2010 годов

	1979	1989	2002	2010
Все нуклеарные материнские семьи (домохозяйства), млн.	4,3	4,9	5,6	5,6
В том числе с детьми до 18 лет, млн.	2,3	2,5	2,7	2,1
Доля нуклеарных материнских семей в общем числе семей (частных домохозяйств), %	11,7	12,2	13,7	13,8
Доля нуклеарных материнских семей с детьми до 18 лет в общем числе семей (частных домохозяйств) с детьми до 18 лет, %	10,1	10,6	12,8	11,7
Доля населения, проживающего в нуклеарных материнских семьях в общей численности населения, проживающего в семьях (частных домохозяйствах с числом членов два и более), %	8,3	9,3	9,9	9,9
Доля детей до 18 лет, проживающих в нуклеарных материнских семьях (домохозяйствах) в общем числе детей до 18 лет, проживающих в семьях (частных домохозяйствах), %	6,9	8,9	11,4	10,4

* Данные переписей 1979 и 1989 годов официально разрабатывались в разрезе типов семей (без одиночек), данные переписей 2002 и 2010 годов – в разрезе типов частных домохозяйств, состоящих из двух и более членов.

Источник: Рассчитано на основе: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.* Том VI, Часть II «Состав семей, распределение членов семей и одиночек по возрасту». М.: ЦСУ СССР, 1981; *Семья в России. Статистический сборник.* М.: Росстат, 2008; *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.* Т.6 «Численность и состав домохозяйств». М.: ИИЦ «Статистика России», 2005; *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* Т.6 «Число и состав домохозяйств» М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012, а также неопубликованных данных Росстата.

Если пренебречь трудноопределимыми погрешностями оценивания, связанными с методологическими проблемами сопоставления прежних «семей» с нынешними «частными домохозяйствами, состоящими из двух и более членов», то получается, что за тридцать лет число материнских семей или, иначе, нуклеарных неполных семей, стоящих из одной женщины и ее детей, увеличилось с 4,3 миллиона в 1979 до 5,6 миллиона в 2010 году, или на 30%. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что увеличения числа таких семей между переписями 2002 и 2010 годов не произошло, а число материнских семей с детьми до 18 лет за межпереписной период даже сократилось до 2,1 млн., что меньше, чем было в 1979 году (2,3 млн.). Относительно всех домохозяйств с детьми до 18 лет число материнских семей с несовершеннолетними детьми также снизилось – более чем на один процентный пункт и составляет сегодня менее 12%. Каждый десятый житель России из числа проживающих в частных домохозяйствах с числом членов два человека и более – это представитель нуклеарных материнских семей. Этот показатель тоже за последнее десятилетие не изменился, прервав исторический тренд медленного роста. Наконец, такой важный показатель, как доля детей до 18 лет, воспитываемых одинокой матерью, в общем числе детей того же возраста, проживающих в семьях, за период между переписями 2002 и 2010 годов снизился с 11,4% до 10,4%, хотя в советский период он неуклонно рос (в 1979 году, к примеру, он составлял менее 7%).

Сравнивая данные, представленные на рис. 1, в табл. 2 и 3, приходим к выводу, что основная причина понижающей тенденции в относительной распространенности материнских семей и детей, проживающих с одной матерью без прочих родственников – процесс денуклеаризации семей, о чем было сказано выше. Незамужние женщины с детьми в последние два десятилетия стали чаще проживать в составе сложных домохозяйств, что, несомненно, связано с поиском семейно-родственной опоры для решения экономических и бытовых проблем матерей-одиночек и трудностями обзаведения отдельным жильем в современных рыночных условиях. «Кроме того, проблемы выживания в непростых условиях переходного периода заставляли семьи объединяться в одном жилье, а второе сдавать в наем для получения дополнительных средств к существованию»¹⁹, что, видимо, для одиноких матерей в городах может рассматриваться как вдвойне рациональное поведение. Кроме того не нужно забывать, что разделение на несколько домохозяйств (семей) групп людей, проживающих под одной крышей, всегда таит в себе некоторую условность. Примат в решении этого вопроса теоретически отдан самоопределению опрошенного в ходе переписи индивида, представляющего группу людей, проживающих в некоторой жилищной ячейке. С другой стороны, некоторая часть людей в ходе последних двух переписей, как известно, была учтена не на основе непосредственного опроса населения, а на основе сведений, полученных из административных регистров²⁰, что могло сказаться как на самих результатах – числе и демографической структуре выделяемых домохозяйств, так и на сопоставимости данных последних двух переписей населения с предыдущими.

Одинокое материнство как динамическое состояние

Для многих женщин одинокое материнство не перманентное, а временное состояние, точно так же, как никто из матерей, воспитывающих детей в полной семье, не застрахован от того, чтобы на более или менее длительное время пополнить ряды одиноких матерей. Для значительного числа женщин с детьми период проживания вне брачно-партнерских союзов может рассматриваться как стадия жизненного цикла или специфический этап семейной биографии. Более того, какая-то часть женщин повторно переходит в категорию одиноких матерей, а им противостоит встречный поток создающих новые полные семьи. Таким образом, со статистической точки зрения, одиноких матерей следует рассматривать как открытую совокупность со «входом» и «выходом», ширина которых – исторически меняющаяся величина. Динамизм смены брачных состояний и число лиц, переходящих из одного состояния в другое, несомненно, повысились за последние полвека во всех развитых странах, и Россия – не исключение. Как было показано нами в предыдущих работах²¹, возросла не только вероятность распада брачных союзов вследствие развода, но и вероятность вступления в повторные союзы. Причем средний интервал времени между прекращением первого союза и началом нового союза для женщин сократился, и, что особенно важно, для женщин с детьми. Из анализа средней длительности пребывания в том или ином брачном состоянии для женщин репродуктивного возраста следует фундаментальный по важности вывод – для российских женщин снижение суммарной длительности супружеской жизни в послевоенный период не произошло за счет возрастающей компенсирующей роли повторных союзов. Именно в последней трети 20 века жизненные стратегии с множественной сменой брачных состояний теряют маргинально-девиантные черты и приобретают социально приемлемый, массовый характер²².

Рассмотрим ситуацию с длительностью проживания в полной и неполной семье с позиции ребенка. В конечном итоге, именно меняющиеся условия воспитания и социализации детей в различных типах семей находятся в центре внимания исследователей и политиков, озабоченных трансформацией брачно-семейных отношений.

Произошедшие перемены хорошо иллюстрируют данные, представленные на рис. 5, на котором отражены изменения в распределениях представителей российских поколений, родившихся во второй половине 20-го века, в зависимости от опыта их воспитания в полной и неполной семье. В первых вдвое сократилась доля тех, кто провел все свое детство от рождения до 18 лет в неполной семье (с 11,4% до 5,7%), во вторых доля детей, имевших опыт воспитания только в полной семье, с некоторыми колебаниями, но, в целом, также имела тенденцию к сокращению:

среди рожденных в 1950-х годах таковых было 65%, среди когорты 1980-х годов – 58,7%. Однако самым впечатляющим является устойчивый тренд роста доли тех, кто в своем детстве имел опыт воспитания и в полной, и в неполной семье – менее четверти в когорте 1950-х годов рождения (23,6%) и более одной трети в когорте 1980-х (35,6%).

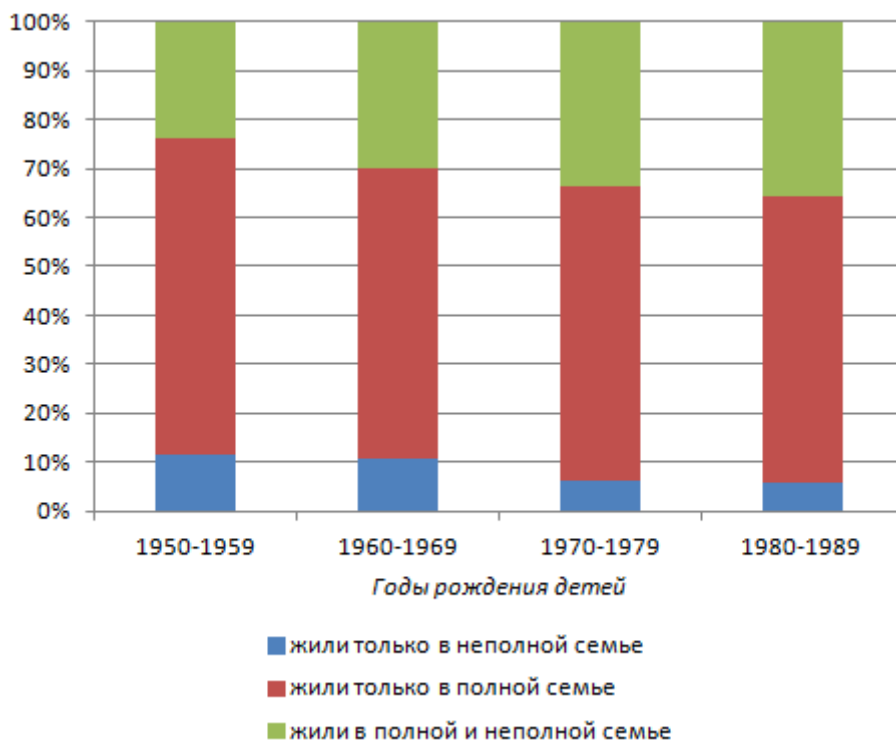

Рисунок 5. Распределение представителей российских поколений 1950-1989 годов рождения по опыту проживания в полных и неполных семьях в детском возрасте (от рождения до 18 лет).

Источник: расчеты С.Захарова и Е.Чуриловой на основе двух волн исследования РИДМИЖ (2004, 2007).

Как же складывается бюджет времени периода социализации усредненного несовершеннолетнего ребенка: а) с учетом обстоятельств его появления на свет (рождение в полной семье или у одинокой матери); б) вероятностей перехода из одного брачно-партнерского состояния в другое для его матери; в) длительности пребывания матери в том или ином брачно-партнерском состоянии? Иначе говоря, мы ищем ответ на следующие вопросы: какова средняя длительность проживания российского ребенка в условиях полной и неполной семьи и меняются ли эти характеристики от поколения к поколению.

Результаты наших расчетов, выполненные на базе данных двух волн исследования РИДМИЖ, представлены на рис. 6, 7 и 8.

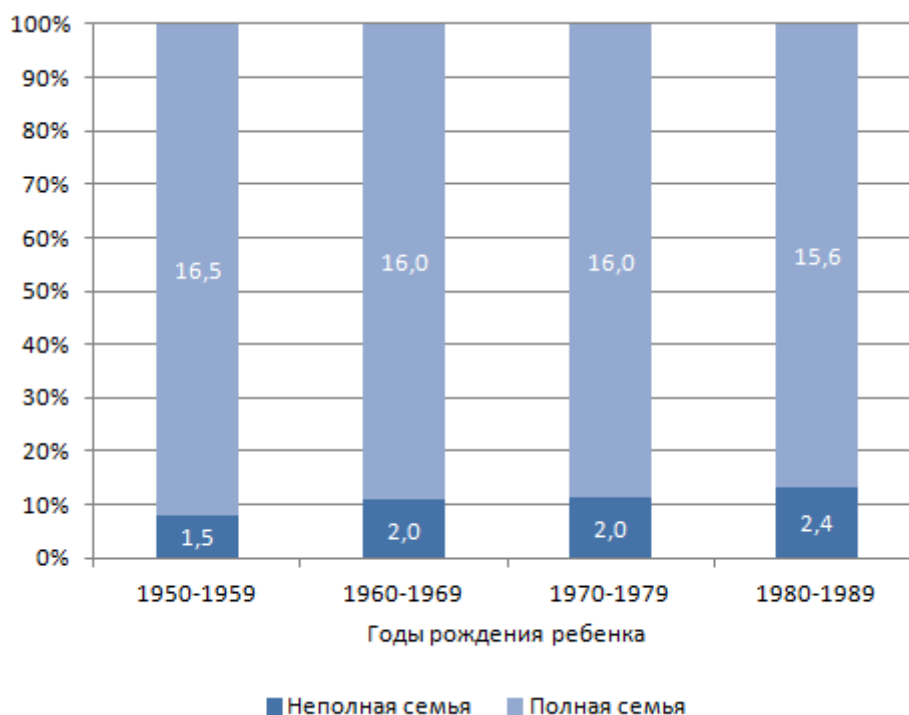

Рисунок 6. Распределение времени, прожитого ребенком от рождения до 18 лет, с учетом воспитания его в полной и неполной семье для детей, родившихся в полной семье в указанные годы

Примечание: цифрами указанная средняя длительность пребывания ребенка в полной и неполной семье (лет).

Источник: расчеты С. Захарова и Е. Чуриловой на основе двух волн исследования РидМиЖ (2004, 2007).

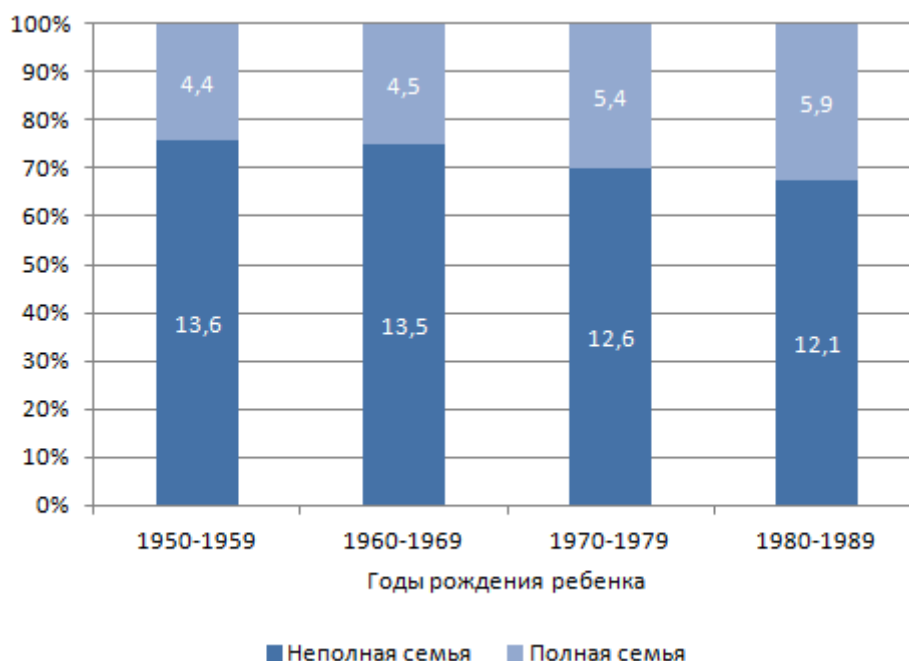

Рисунок 7. Распределение времени, прожитого ребенком от рождения до 18 лет, с учетом воспитания его в полной и неполной семье для детей, родившихся у одинокой матери в указанные годы.

Примечание: цифрами указанная средняя длительность пребывания ребенка в полной и неполной семье (лет).

Источник: расчеты С. Захарова и Е. Чуриловой на основе двух волн исследования РидМиЖ (2004, 2007).

Для ребенка, появившегося на свет в полной семье (рис. 6), средние значения длительности пребывания в полной и неполной семье изменились не столь уж значительно, как это можно было бы ожидать при более чем двукратном росте вероятности прекращения браков вследствие разводов²³. В поколениях, родившихся в 1950-х гг., длительность пребывания в полной семье составляла 16,5 лет (92% общего бюджета времени жизни ребенка от 0 до 18 лет), а в неполной семье – 1,5 года (8%). Для детей, родившихся тридцать лет спустя, соотношение стало 15,6 лет (87%) и 2,4 года (13%). Таким образом, хотя и имеется тенденция к увеличению средней длительности социализации детей в условиях неполной семьи вследствие роста разводимости²⁴, но она, по крайней мере, до сегодняшнего времени, сильно тормозилась противоположной тенденцией – существенным повышением вероятности для разведенной женщины вступить в повторный союз и сокращением периода временного одиночества²⁵.

Для ребенка, появившегося на свет в неполной семье (рис.4), ситуация от поколения к поколению, напротив, улучшалась. Матери-одиночки во все возрастающей пропорции находили себе постоянных партнеров/супругов, и, причем, затрачивали на этот поиск все меньше времени. Так, для детей, родившихся у одиноких матерей в 1950-х гг., медианный возраст обретения «отца» составлял 3,1 года, а для родившихся в 1980-х гг. – 2,2 года. В результате ребенок из поколений 1950-х гг., родившийся у одинокой матери, проводил в среднем 13,6 лет в неполной семье (76% времени жизни от 0 до 18 лет) и 4,4 года в полной семье (24% бюджета времени), а усредненный

ребенок из родившихся в 1980- гг., соответственно, 12,1 в неполной семье (67%) и 5,9 года в полной (33%).

Для всех детей, взятых вместе безотносительно того, родились ли они в полной или неполной семье, мы получили удивительный и для кого-то, возможно, неожиданный результат. Применительно к среднему представителю поколений, появившегося на свет в послевоенный период, никаких изменений в соотношении долей времени, проведенных ребенком в полной и неполной семье, не произошло (рис. 5). В поколениях россиян, родившихся в 1940-х – 1980-х годах, от 14 до 15 лет (около 80% бюджета времени жизни до 18 лет) приходилось на воспитание в полной семье и от 3 до 4 лет (20%) – в неполной семье. Противоположные тенденции, характерные для детей, родившихся в полной и неполной семье, взаимно компенсировали друг друга, устраняя перекосы, вызванные изменениями в вероятностях родиться в полной семье или у одинокой матери.

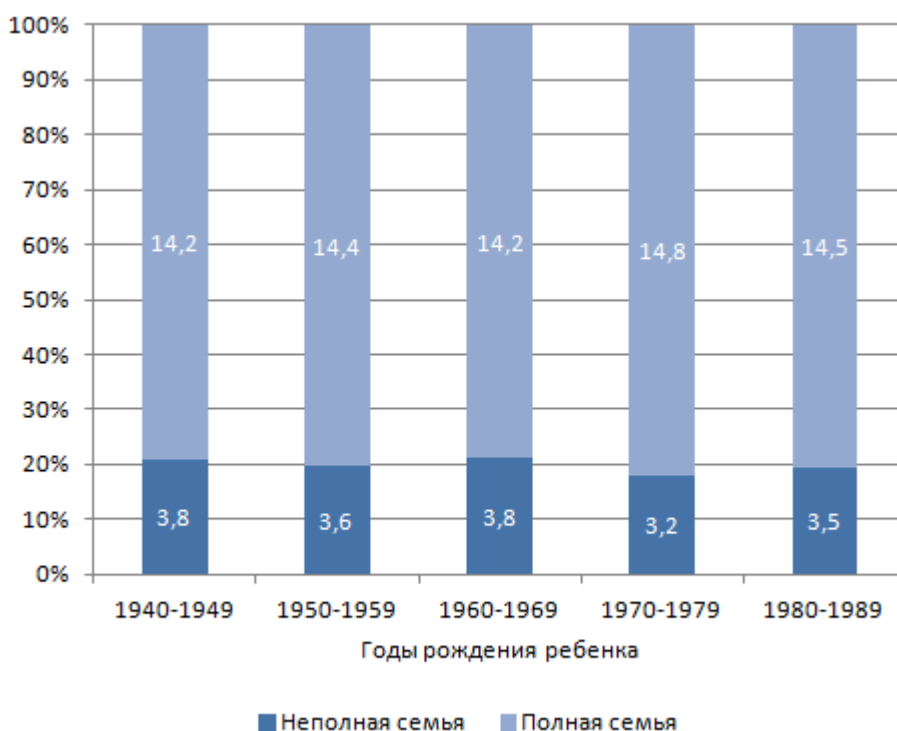

Рисунок 8. Распределение времени, прожитого ребенком от рождения до 18 лет, с учетом воспитания его в полной и неполной семье для всех детей, родившихся в указанные годы.

Примечание: цифрами указанная средняя длительность пребывания ребенка в полной и неполной семье (лет).

Источник: расчеты С. Захарова и Е. Чуриловой на основе двух волн исследования РИДМИЖ (2004, 2007).

Итак, у нас нет оснований говорить, что во второй половине 20 века в целом, или в последних его десятилетиях, мы являлись свидетелями существенных сдвигов в пользу увеличения средней длительности социализации ребенка в условиях неполной семьи. В то же время условия социализации детей становились сложнее и многообразнее, в первую очередь, за счет приобщения всё большего числа детей к опыту проживания с отчимом.

Некоторые итоги

Подведем итог нашим попыткам статистически оценить распространенность феномена одинокого материнства на основании официальных данных. Перед нами три статистические совокупности, состоящие из женщин с детьми до 18 лет:

- «матери-одиночки», которые могут быть сертифицированы по факту рождения ребенка без официально признанного отцовства. На 2010-2011 годы максимальная оценка их численности – около 3 млн., доля в общей численности матерей – не более 18%, доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых данной категорией матерей, в общей численности населения моложе 18 лет – не более 15%. Данная совокупность имеет тенденцию к увеличению своей численности;

- одинокие женщины с детьми до 18 лет, идентифицируемые на основе ответов, получаемых в ходе переписей населения, и свидетельствующие об отсутствии у них супруга на данный момент. В 2010 году численность данной категории составляла 5 млн., их доля в общем числе семейных ячеек – 21% (в числе семейных ячеек без отцов-одиночек – 30%), доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых данной категорией матерей, в общей численности детей до 18 лет, проживающих в семьях – 25,5% (в общей численности населения моложе 18 лет – 23,5%). Тенденция изменения размера данной категории не очевидна. В последнее десятилетие имело место сокращение ее абсолютной численности, но в то же время ее вклад в воспитание подрастающего поколения увеличился;

- одинокие женщины с детьми до 18 лет, представляющие нуклеарные неполные семьи (материнские семьи, локализованные отдельно от прочих родственников), идентифицируемые на основе ответов, получаемых при переписи населения, и свидетельствующие об отсутствии в данном домохозяйстве супруга и каких-либо других членов, кроме собственных детей. В 2010 году данная категория по численности составляла 2,1 млн., доля материнских семей с детьми до 18 лет в общем числе семей (частных домохозяйств) с детьми до 18 лет – 11,7%, доля детей до 18 лет, проживающих в нуклеарных материнских семьях в общем числе детей до 18 лет, проживающих в семьях (частных домохозяйствах) – 10,4% (в общей численности населения моложе 18 лет – 10,2%). В последнее десятилетие численность этой категории, после длительного роста, обнаружила тенденцию к быстрому сокращению, вследствие чего снизилась и доля детей, воспитываемых в нуклеарных материнских семьях.

Первые две статистические совокупности являются пересекающимися, но не взаимно поглощающими друг друга, поскольку группируются по различным основаниям. В первом случае основанием для попадания в совокупность будет официально подтвержденная декларация брачно-партнерского статуса женщины в момент регистрации новорожденного ребенка, во втором случае – не требующая документального подтверждения декларация брачно-партнерского статуса женщины, имеющей детей, в некоторый момент опроса (переписи, выборочные исследования). В первом случае очевидны правовые последствия для женщины и ее детей, во втором случае они отсутствуют. Непересекающуюся часть обеих совокупностей образуют женщины из первой совокупности, сменившие свой брачно-партнерский статус с момента регистрации ребенка до момента опроса (обрели супруга) или не заявлявшие о фактическом наличии отца ребенка с самого начала.

Третья совокупность представляет собой специфическую часть второй совокупности, традиционно привлекающую к себе особое внимание политиков и исследователей, поскольку нуклеарные материнские семьи, в силу своей потенциальной изолированности от семейно-родственного окружения, объективно требует повышенного внимания как объект государственной поддержки. О реальной степени их изолированности и распространенности межсемейной поддержки неполных семей свидетельствуют данные обследования Росстата НОБУС (2003): финансовая поддержка со стороны родственников, не живущих с ними, составляла около 20% доходов неполных семей, и около четверти семей получала ее регулярно. Кроме того родственная межсемейная и

межпоколенная солидарность проявлялась в виде регулярного оказания услуг²⁶. Имеются и локальные исследования, подтверждающие эти данные.

Исследователи и политики, акцентируя свое внимание на феномене одинокого материнства, должны четко себе представлять, с какой конкретно категорией одиноких матерей они имеют дело, принимая во внимание размытость категориальных границ в сущностном и, тем более, в прикладном значении²⁷. Следует учитывать, что, в конечном итоге, определение «одинокой матери» основывается на самоидентификации женщины в тот или иной момент ее жизненного цикла.

Одинокое материнство, если рассматривать его с позиции жизненного цикла для женщины, есть высоко подвижное, динамическое состояние. В условиях современной России примерно каждая третья женщина, родившая первенца в полной семье, впоследствии имеет шанс воспитывать его какое-то время в неполной семье, а каждая третья женщина, ставшая одинокой матерью в момент рождения первенца, через какое-то время обретает опыт его воспитания в полной семье. Вероятность смены брачно-партнерского состояния в течение жизни неуклонно повышалась в поколениях, формировавших свои семьи в послевоенное время. В результате увеличивалась доля женщин, материнство которых протекало в условиях последовательной смены брачных партнеров, что означает относительный рост числа детей, которые на протяжении своего детства имели опыт социализации и в полной, и в неполной семье.

Рассматривая одинокое материнство как динамичное состояние, с вероятностями «входа» и «выхода» и длительностью пребывания в этом состоянии, мы впервые в отечественной практике, смогли изучить тенденции средней длительности воспитания (социализации) несовершеннолетних детей в условиях неполной семьи на протяжении всего послевоенного времени, в том числе в зависимости от того, рожден он был одинокой матерью или в супружестве. Для детей, рожденных одинокой матерью, средняя длительность воспитания в неполной семье сокращалась. Напротив, для детей, рожденных замужней матерью, увеличивалась средняя длительность воспитания в неполной семье. Результирующий вектор изменений для всех детей, безотносительно брачного статуса матерей в момент их появления на свет, не демонстрирует какой-либо направленности. Для всех послевоенных поколений средняя длительность социализации в условиях полной и неполной семьи поддерживалась примерно на одном и том же уровне. Таким образом, можно констатировать, что, с позиции детей, главные изменения, происходившие в последние полвека в России, сводятся к увеличению вероятности и средней длительности социализации в семье с небιологическим отцом. Условия семейной социализации детей становятся многообразнее, и этот факт, на наш взгляд, должен привлечь пристальное внимание социологов, психологов и педагогов.

¹ Сергей Владимирович Захаров, к.э.н., заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ. В статье использованы результаты исследования «Формирование монородительских семей в послевоенных поколениях россиян: социально-демографический анализ», выполненного при поддержке Научного Фонда НИУ ВШЭ (Грант №11-01-0182).

² Чиновники хотят повысить пошлину за развод //РБК daily, 29 марта 2013 года
<http://www.rbcdaily.ru/society/562949986393322>

³ Попова Н. Вкус горького шоколада / Аргументы недели, 14 апреля 2011 года
<http://argumenti.ru/toptheme/n284/102077>

⁴ Синельников А.Б. Типы семей и демографическая политика в России //Демографические исследования. №4. Онлайн издание. (http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=418).

⁵ Это исследование - часть международного исследовательского проекта сравнительных исследований «Generations and Gender Programme»/ «Программа поколения и гендер», координируемого Европейской экономической комиссией ООН при поддержке международного консорциума научно-исследовательских центров. В проекте участвуют более 30 стран мира. Подробнее о проекте см.: <http://www.unecce.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>. В России исследование

РидМиж/RusGGS координировалось Независимым институтом социальной политики/НИСП (Москва) и специально созданным Научным советом, представляющим различные организации (директор программы – О.В.Синявская, зам. директора НИСП, научный руководитель – С.В.Захаров, зав. лабораторией Центра демографии и экологии ИНП РАН, затем зам. директор Института демографии НИУ ВШЭ). Полевая часть исследования проведена Независимой исследовательской группой «Демоскоп» (руководители - П.М.Козырева и М.С.Косолапов) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации, Научного Общества Макса Планка (Германия) и др.

⁶ Alich D. (2007) Differences between male and female fertility in Russia: an evaluation of basic pattern and data quality using the first wave of the Russian GGS. MPIDR Working Paper WP-2007-015. Rostock (Germany), 2007. <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2007-015.pdf>

⁷ См.: исследования различных ситуаций проведенные качественными методами (Мухеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОП СО РАН, 2012; Лунякова Л. «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки /Сост. и редактор С.Ушакин. М: Новое литературное обозрение, 2004; Киблицкая М.А. Исповеди одиноких матерей: социологический анализ стратегий выживания и нарушений прав одиноких матерей в переходной экономике с использованием этнографических методов. М.: Эслан, 1999).

⁸ González L. (2005) The Determinants of the Prevalence of Single Mothers: A Cross-Country Analysis. IZA Discussion Paper No. 1677, 2005

http://www.iza.org/en/webcontent/publications/papers/viewAbstract?dp_id=1677

⁹ После введения пособия для матерей-одиночек в Калужской области в 1,5 раза снизилось число мужчин, признавших своих детей / Интерфакс, 23 апреля 2012 года <http://www.interfax-russia.ru/Center/main.asp?id=309926>

¹⁰ После введения пособия для матерей-одиночек в Калужской области в 1,5 раза снизилось число мужчин, признавших своих детей / Интерфакс, 23 апреля 2012 года <http://www.interfax-russia.ru/Center/main.asp?id=309926>; Пособие матерям-одиночкам отменять не стали / КР40.ru, 25 апреля 2012 года http://www.kp40.ru/news/gorod_oblast/11266/

¹¹ Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России, 2004, т. 13, № 2.

¹² Согласно действующей до настоящего момента статистической практике, к этой категории учета также относят новорожденных, зарегистрированных по представлению государственных органов («дети-отказники», «подкидыши», «найденныши» и пр.).

¹³ О методологии выделения семейных ячеек и типологии современных семей, в том числе воспитывающих детей моложе 18 лет в России см. Прокофьева Л.М. Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. /Научн. ред.: Т.М.Малева, О.В.Синявская. М.: НИСП, 2007.

¹⁴ Среди браков, заключенных женщинами в России в 1980-х годах, к 5-му году от начала союза распалось 13,5% по причине развода и 1,4% по причине овдовения, к 10-му году – соответственно, 21,9% и 3,5%, к 15-му году – 26% и 6%. См.: Вишневецкий А.Г. (ред.) Демографическая модернизация России. М., Новое издательство, 2006, с.129.

¹⁵ Среди женщин, переживших прекращение первого зарегистрированного брака в 1990-1994 гг. вступили в повторный брак или в неформальный союз с совместным проживанием партнеров к 5-му году – 46%, к 10-му году – 61%, к 15-му году – 66% (Вишневецкий А.Г. (ред.) Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Издательский дом ВШЭ, 2011, с.81).

²¹ Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007, Том 15, №4; Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век»

традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Сб. аналитических статей. Вып.1.

²² Так, в одном из исследований, проведенных качественными методами, женщины, говоря об изменении статуса неполных семей, заявляли: «Перестало быть зазорным быть матерью-одиночкой или разведенкой» (См.: *Калабихина И.Е.* Гендерные вопросы в России в конце XX века. Фокус-групповое исследование в городской и сельской местности. М.: Акисфлат, 2004, с.107).

²³ *Захаров С.В.* Браки и разводы // Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г.Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

²⁴ Среди детей, родившихся в брачно-партнерском союзе в 1971-1975 гг., 10% пережили расставание родителей к возрасту 7 лет, а среди детей, родившихся в 1991-1995 гг., те же 10% имели такой опыт уже к 4 годам. (См.: *Бретон Д., Попова Д., Приу Ф.* Распад родительского союза во Франции и России: текущая ситуация и изменение вероятности наступления события для ребенка // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. По материалам исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Сб. аналитических статей. М., 2010. Вып.3).

²⁵ *Захаров С.В.* Браки и разводы // Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г.Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

²⁶ *Прокофьева Л., Фести П.* Семейная солидарность уже не такая, как прежде: игра воображения или реальность? // Измерение, формы и факторы бедности. Сравнительный подход. Document de travail. Studies. INED, 2008, № 152.

²⁷ Дискуссию о понятиях: «одинокая мать», «неполная семья», «материнская семья», «монородительская семья» и т.п. см, например: *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная защищенность городской монородительской семьи // *Мир России*, 2004, т. 13, № 2